

СОЛНЦЕДЮБ

Сергей Бойко

ВЕРА

SOLNЦЕЛЮБ

Сергей Бойко

Вера

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Бойко С.

Вера / С. Бойко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (СОЛНЦЕЛЮБ)

В тридцать пять лет Алена, любящая и любимая жена и мать троих детей, принимается писать стихи. Она записывает их в небольшой детский альбом для рисования, который позаимствовала у младшей дочки Оленьки, и никому не показывает. Алена хотела бы жить как прежде, не писать никаких стихов, любить мужа и детей и ни о чем таком не думать, – но уже не может. С ней начинается внутренняя метаморфоза. Она какое-то время сопротивляется, отстаивая свой привычный мир, казавшийся всегда таким надежным, таким устойчивым, таким неизменным – как рассвет и закат! – но силы, владеющие Аленой, оказываются проворнее и одолевают ее сопротивление. Алене становится одиноко и страшно. Так, наверное, мучилась бы и сопротивлялась гусеница – перед тем как превратиться в бабочку, – обладай она человеческим сознанием.

© Бойко С.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

УВЕРТЮРА	5
1. «СПРАВЕДЛИВОСТИ НЕТ!»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Сергей Бойко

Вера

УВЕРТЮРА

Погожим летним днем Алёна неторопливо ехала замысловатыми зигзагами на дамском велосипеде. На Алене было легкое светлое платье без рукавов и шляпка от солнца, на ногах – сандалии. Велосипед катился по безлюдному шоссе, прямому как линейка. Дорога протянулась через поля, посадки и перелески – от одного края горизонта до другого.

Скрип велосипедных педалей, стрекот кузнечиков и шуршание шин по дороге – вот и все звуки, которые сопровождали Алену в этом бесконечно долгом и длинном пути. Встречный воздух остужал лицо и грудь и развеивал волосы. Не думалось ни о чем. Алене оставалось только крутить педали – скрип... скрип... – да следить за дорогой.

Когда впереди блеснула река, дорога пошла под едва заметный уклон, к тому же Алена чуть поднажала на педали, и велосипед послушно побежал быстрее – скрип-скрип-скрип! – все теми же прихотливыми и вертлявыми зигзагами. Ветер норовил сорвать шляпку с головы, остужал лицо и грудь и развеивал локоны...

1. «СПРАВЕДЛИВОСТИ НЕТ!»

Я не буду оставаться на линии... или перезванивать позже... Я скажу сразу и всем! Сашку Бякина всю его жизнь любили широкоплечие девушки с узкими бедрами. Он сам мне в этом со смехом признался незадолго до гибели. Непонятно, то ли шутил, то ли жаловался, то ли гордился...

Заканчивая новостной эфир, бодрый женский голос напомнил, что сегодня, 23 июля 2013 года, во вторник, в Москве и области ожидается облачная погода с небольшими дождями, местами возможны грозы, столбики термометров не поднимутся выше 15–20 градусов. После этого сообщения сосед сверху, наконец, выключил свой громогласный приемник и закрыл окно.

Я никого не ждал в это утро, но раздался звонок, и я пошел открывать входную дверь. На пороге стоял бессмертный Порфирий Лавров Неунывающий собственной персоной – худощавая физиономия, слегка небритые щеки и вечная «неугасимая печаль» в «ястребином взоре». Как всегда подтянутый и молодцеватый, он улыбался так, будто весь мир ему задолжал и был обязан по гроб жизни. Эта улыбка не предвещала ничего хорошего. Лавров был в костюмной паре кремового цвета и белоснежной рубашке. Из-за его плеча выглядывали дымчатые очки и пушистая лысина Полковника. Я молча смотрел на незваных гостей. Пауза затягивалась.

– Братишка папино наследство еще не все спустил к чертям? – нарушил неловкость Порфирий Лавров. – Что говорит? Ремонт? Кредит? Машина? Дача? Делиться не думает? Совсем обнаглел! Мажорит, а ты сопли жуешь, хоть и старшенький...

Все это вывалил на меня Лавров вместо приветствия. После того, как он сгорел в междугороднем автобусе в марте 11-го года и вновь возродился из пепла, он сделался невыносимым, – по крайней мере, в общении со мной: злой, грубый, язвительный, плюс ко всему – как и в прежние времена – фантастически безжалостный.

– Пора тебе снова за «Полигон» браться, бездельник! – безапелляционно заявил он и бросил через плечо Полковнику: – Так, гомункулус? – Он толкнул меня в грудь и переступил порог. – Может, в гости пригласишь?

Следом за Лавровым в мою прихожую внедрился Полковник. Небольшой рост и неохватная талия делали его шарообразным. Выдающиеся достопримечательности тела покрывала длинная цветастая гавайская рубаха, из-под которой торчали такие же цветастые, но тоном погуще, бермуды – это штаны такие, недлинные. Ни дать ни взять, пожилой колобок, удачно избежавший в свое время острых зубов лисицы-сестрицы.

– Извини, что без звонка! – сказал Полковник, с трудом присел на корточки и принялся расшнуровывать кроссовки.

Троим в прихожей было уже тесно, и Лавров, так и не удостоив меня своим приветствием, не разуваясь, двинулся по коридору в кухню.

– Как думаешь, Полковник, созрел наш вечно начинающий писатель для нового «Полигона»? – спросил он, усаживаясь в кухне за стол и водружая на него пакет с надписью «Станем друзьями!». В пакете что-то мелодично звякнуло.

– А и то сказать, десять лет пишет – и никак не напишет! – слегка задыхаясь, отозвался Полковник, взяв со шнурками.

Наконец он, опираясь руками в колени, с кряхтеньем поднялся и сбросил кроссовки в угол, – по-моему, так до конца и не расшнуровав. После этого он поправил большие дымчатые очки на блестящем носу и приветственно хлопнул меня по плечу:

– Ну, привет, каторжанин! Тапки дай.

– Привет! – Я тоже хлопнул его по плечу.

– Кейт Миддлтон родила мальчика, – сообщил Полковник с таким видом, будто был мужем этой самой Кейт Миддлтон или, на худой конец, ее отцом.

– Прими мои поздравления! – пошутил я.

– Тапки дай!

– Тапки у тебя под ногами.

Лавров произнес из кухни дикторским голосом:

– Туристы и жители Лондона празднуют рождение правнука Елизаветы Второй. Есть предложение присоединиться.

Предложение было принято, тем более что у них с собой «уже было». Лавров и Полковник расположились за столом в кухне, а я принялся «накрывать поляну» – чем Бог послал. А в этот день Бог послал мне в холодильник...

Сколько же я с этим «Полигоном» намаялся в свое время – ни словом сказать, ни пером описать! Лавров и Полковник расхохотались мне в лицо, когда я им об этом напомнил. А ведь это с их слов и по их наущению принес я еще в 2000-м году заявку на этот треклятый роман в издательство «Олимп» и подписал договор с Соломонычем. Даже аванс получил, – сейчас уже не помню, сколько, – да только авансом все тогда и закончилось. Я писал вариант за вариантом, но редакция планомерно отвергала их один за другим. Им хотелось, чтобы это было нечто в духе романов Артура Хейли. «Аэропорт», «Отель», «Колеса» – вот чего хотела редакция. Замечу для любознательных, что первый вариант «Полигона» бралась экранизировать студия «Пигмалион» Сергея Ховенко, правда, тоже без особого успеха. Сдается мне теперь, что определенные силы уже тогда явно не хотели, чтобы история Лаврова и Полковника оказалась достоянием публики. Кстати, похожая на «Отель» книжка к тому времени вышла в «Олимпе» – детектив про гостиницу «Славянская», – и мне ее подсовывали как пример для подражания. Из подражания ничего путного не получалось, – история Лаврова и Полковника не укладывалась ни в какие рамки и заготовки. Она была как дикая кошка – эта история – и совершенно не давалась в руки. Сплошное мученье было писать этот «Полигон». И вот теперь – снова? На те же грабли? Да ни за что на свете!

– Ребята, нельзя дважды войти в одну и ту же реку, – начал я слабое сопротивление сразу после первой рюмки. – «Полигон» – это прошлое.

– Нельзя объять необъятное, – возразил Лавров, разливая по второй, – и нельзя бросать начатое. Полигон держит всех нас за глотку.

– Но ведь я уже пытался...

– Попытки без результатов ничего не стоят. Их все равно, что не было.

– Но они были! Два года жизни...

– Что такое два года в сравнении с вечностью?

– Тебе легко говорить, ты – бессмертный!

– А тебе легко жить! Все равно ни черта не делаешь, отдыхаешь после морских рассказов. А-я-яй, намучилось дитя! Давай заканчивай свой «Полигон»! К тому же он и наш с Полковником тоже. Разница в том, что мы его пережили на собственной шкуре, а тебе надо только написать.

– Так сказать, зафиксировать, – вежливо уточнил Полковник.

Я не придал этим словам должного внимания.

Лавров повторил:

– Мы – пережили, а тебе только бумагу замарать! Чувствуешь разницу?

Это был аргумент. Но я действительно положил много сил на повесть «Над вымыслом слезами... или Рассказ про конец света», так называемые матросские байки, – в другом варианте я их озаглавил «Суши заказывали? Вот вам!» Мы писали их на пару с Александром Нехорошевым, моим другом: Бякин – так мы звали между собой Нехорошева – Бякин рассказывал мне по телефону свои морские приключения во время срочной службы на Тихом

океане, а я оформлял их в литературную форму. Это длилось несколько лет с небольшими перерывами на роман «Solнцелюб» и сценарий «Жаркое лето 2010-го...» – и на Санькины и мои запои, когда у меня не хватало сил справиться с его и своей собственной апатией и ленью. И вот, наконец, этот труд свершился: повесть опубликовали в электронном виде в журнале «Новая литература». Бякин радовался как ребенок и расхваливал мою писанину, будто это были не его собственные истории, а кто-то другой увлекательно поведал ему о своих похождениях, заворожил и даже вышиб слезу. Так он говорил и рвался – и звал меня на Камчатку. А я слушал его – и не радовался. Врать не буду, мне было, конечно, лестно, но я чувствовал себя опустошенным и обессиленным, выжатым до последней капельки, чего со мной раньше никогда не случалось. Я просто не мог радоваться...

Лавров безжалостно продолжал:

– Заруби себе на носу, писатель: жизнь трудна и непредсказуема. Жизнь – живее и разрушительнее смерти! А тебе почему-то жить – легко. Где справедливость? А, Полковник?

– Справедливости нет, – с готовностью отозвался тот. – Как любила повторять своим ученикам Людмила Александровна Кожина, вдова почившего в бозе великого сценариста Валентина Черныха, который говорил, что его фамилия склоняется только на собраниях, – так вот, эта Людмила Александровна любила повторять своим ученикам: «Дети мои, запомните: справедливости нет!» Паша, дело не в справедливости.

– Тогда в чем? Почему ему жить легко, а нам – трудно?

– А это, потому что он не живет!

– Не понял?

– Он не живет, он – сочинительствует.

– Браво, Полковник! В самое яблочко! Мы с тобой живем на полную и ничего не фиксируем. Поэтому жизнь нас бьет, сжигает, корежит, грызет и ломает – со всех сторон! А его не трогает. Потому что он не живет! Чувствуешь, писатель, какая между нами большая разница? К тому же, ты – лентяй. Ну? Будь здоров, бездельник!

Лавров поднял свою рюмку и расхохотался.

– Присоединяюсь! – широко улыбнулся Полковник, поднимая свою.

– Вы пережили, а я должен обессмертить, – уныло констатировал я. – Будьте вы все здоровы!

Ну что ж, они дали мне почувствовать нашу разницу, – и мое сопротивление пало. Правда, я отвоевал себе условие привлекать их обоих для консультаций – при необходимости – в любое время дня и ночи. Они поначалу наотрез отказались помогать, упирая на то, что, во-первых, у меня есть все необходимые материалы, и, во-вторых, что им некогда. Тогда я уверил их, что материалы давно утеряны, как и старые варианты романа, – врал, конечно, но что было делать? Не идти же у них во всем на поводу!

– Десять лет прошло! – лукаво напомнил я.

Они вздохнули:

– Десять лет... Да, это срок...

В конце концов, они мне поверили и согласились на мои условия. Или сделали вид, что поверили и согласились. И я вспомнил одно из любимых изречений Лаврова, которое звучало так: «Когда я заявляю, что обманываю вас, я вас обманываю!» Да, от него можно было ожидать чего угодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.